

Источник: Бровман Г. Жизненная позиция героя / Г. Бровман // Вопросы литературы. — 1960. — № 7. — С. 54-73.

Г. БРОВМАН

Жизненная позиция героя

1

В феврале нынешнего года «Пионерская правда» посвятила целый номер многочисленным ответам юных читателей на вопрос ученика 5-го класса Тайжинской школы № 10 Николая Пачуева: «Я хочу узнать, для чего живут люди на земле?» На письмо мальчика откликнулось 1148 ребят, в газете же удалось поместить, конечно, лишь небольшое число ответов.

Может быть, кому-нибудь покажется забавной эта попытка детей, не имеющих солидного жизненного опыта, размышлять на столь серьезную тему о смысле жизни. Но если вы внимательно читаете письма, опубликованные газетой, то, наверное, вспомните слова Маркса: «Разве в детской природе в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде?»¹.

И не нужно думать, что жизнь представляется юному пионеру состоящей из одних радостей и улыбок, а все люди кажутся ему одинаково хорошими и добрыми. В иных письмах в редакцию «Пионерской правды» есть и ощущение жизненных противоречий, ожидание суровой борьбы с теми, кто не хочет всеобщего счастья, а заботится только о себе.

«Для чего живут люди на земле? — пишет Рита Немудрова из Куйбышева.— Мне кажется, что нельзя ответить на этот вопрос одной фразой. Ведь на земле живет очень много людей с разными взглядами на жизнь. Одни живут, думая только о своем благополучии. Другие равнодушны к жизни, к самим себе и живут с

¹ «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», М. 1957, т. I, стр. 136.

мыслью, что «конец известен: все в землю лягут, все прахом будет...» Третьи живут для общества, для труда, для новых и новых побед. И таких, третьих, в нашей Советской стране очень много. Все мы знаем о трудовых подвигах Валентины Гагановой, Николая Маая, строителей мощных гидроэлектростанций, комсомольцев-целинников... Ради счастья человечества живут эти люди, и они счастливы».

Иным авторам писем кажется, что только капитаны дальнего плавания, космонавты, летчики, геологи — истинные герои нашего времени, но большинству уже ясно, что необыкновенным человеком, совершающим подвиг, может стать каждый. Возможность героизма заложена в самом отношении советского человека к труду, к своим общественным обязанностям, к своей ответственности за судьбы человечества, в понимании своего места и значения в создании нового мира. А главное все же — в *творческом* характере любой деятельности на благо общества. И об этом по-своему раздумывают те ребята, которые ответили на вопрос Николая Пачуева.

...Десятилетняя Аленка, по имени которой названа новая повесть С. Антонова («Новый мир», 1960, № 4), видит, что в кабине грузовика восседает рядом с шофером здоровый дядя, а жена тракториста Настя с грудным ребенком должна будет ехать по раскаленной степи в кузове. Аленка не знает, что дядя этот — сам главный механик совхоза Дмитрий Прокофьевич Гулько, для которого, собственно, и наряжена машина, а все остальные пассажиры, в том числе сама Аленка, лишь случайные попутчики. Но обязательно ли ей это знать для того, чтобы сообразить, как нехорошо получится, если Настя с младенцем будет находиться под палящими лучами солнца, под дождем из горячей пыли? И Аленка в присутствии взрослых по-своему, по-детски говорит об этом, а Гулько, крихтя, перебирается из кабины в кузов, уступая место женщине. Но как неловко чувствует себя Аленкина мама Лида, да и другие пассажиры и провожающие! Они-то хорошо знают, кто такой Гулько, и для виду поругивают Аленку за неуместные слова.

Где-то тут, в еле приметных деталях жизни, начинается формирование характера, отсюда идут тончайшие нити к тому грядущему, что ожидает Аленку, когда она будет взрослой, к тому, чем станет она сама — человеком коммунистического общества. А сегодня ее окружают наши современники, простые люди — трактористы, работницы совхоза, служащие, — простые люди, но творцы не только своей жизни, а и той, что ожидает нашу Аленку.

Л. Скорино в своей статье «Так ли прост «простой человек»?» верно пишет об С. Антонове, о его традиционных героях, о своеобразном лице этого талантливого повествователя. И в последней работе автора мы вновь встретились с его постоянными любимцами, с людьми, всегда находящимися в делах, в дороге, в движении к будущему.

Но вот рассказ С. Антонова, опубликованный в «Огоньке», Л. Скорино толкует, по-моему, неверно. Конфликт между отставным полковником Григорием Афанасьевичем и спасенной им в годы войны Ниной-Найле состоит не в том, в чем видит его критик, и позиция автора отнюдь не такова, как ее характеризует Л. Скорино.

Как известно читателю, Нина — официантка в санатории — подумывает о поступлении в техникум. Эту мысль поддерживает и Григорий Афанасьевич, справедливо усматривая здесь попытку девушки приобрести более высокую квалификацию, что, конечно, усилит жизненные позиции Нины, возвысит ее в собственных глазах. Не следует, однако, полагать, что, окончив техникум, Нина станет другим человеком — не простым, а героическим. Критику кажется, что так думает полковник, а вместе с ним и автор. Между тем речь идет в рассказе «Разноцветные камешки» совсем о другом.

Простым и в то же время необыкновенным человеком Нина-Найле может быть и в положении подавальщицы в столовой санатория, и в роли техника или даже более видного специалиста. Григорий Афанасьевич требует от нее отнюдь не героических подвигов или невиданных трудовых или творческих достижений, — он хочет, чтоб она была Человеком с большой буквы. А отношения ее с «долговязым шалуном» Павлом Евгеньевичем настоятельно. Причем автор совершенно недвусмысленно относится к этому тридцатилетнему озорнику, который, хотя и является научным работником в области меченых атомов, в нравственном отношении недалеко ушел от самых банальных курортных донжуанов. Естественно, что пожилой и опытный Григорий Афанасьевич пытается оградить дорогую ему девушку, но писатель прав, когда как бы разводит руками по поводу поведения Нины, которая льнет к этому великовозрастному «Пашке», способному принести ей немало огорчений...

Но чего же хотелось бы критику? Чтоб С. Антонов приукрасил свою героиню? Или, может быть, Л. Скорино думает, что автор одобряет выбор Нины и признает добродетельной эту «любовь»? Кажется, именно так полагает критик: «Просто-напросто Григорий Афанасьевич с его поучениями им не нужен. Они вполне удовлетворяются своими маленькими радостями и печальями...» Хорошо бы, думает, очевидно, критик, если бы С. Антонов показал, как наша Нина дает затрещину этому пошловатому Паше, вот тогда она была бы героиней и видно было бы, что писатель заодно с Григорием Афанасьевичем! А так можно решить, что автор — единомышленник санаторных соблазнительей и посмеивается над хорошим, пожилым человеком.

Л. Скорино пишет: «Что же, победа осталась за полковником с его деятельной заботой о человеке? Ничуть, отвечает Сергей Антонов, побеждает самая обыкновенная жизнь...» По мнению критика, автор дает урок своему герою — полковнику в отставке...

Ничего этого, однако, в рассказе нет! Есть почти открыто выраженное сочувствие Григорию Афанасьевичу и в то же время горькое признание того не нового факта, что в интимных отношениях между мужчиной и женщиной бывает, как говаривал еще Белинский, что и сатана покажется ясным соколом! И дело тут не в ограничении душевного богатства простого человека, что приписывает критик С. Антонову, а в реальных коллизиях жизни, мимо которых не может пройти художник, если он хочет говорить правду.

Еще менее основательно утверждать, что С. Антонов «ограничивает жизнь героев рассказа прозой будней», что он отстаивает право человека быть только простым и отнюдь не необыкновенным! Как бы предчувствуя подобные обвинения, С. Антонов в повести «Аленка» в почти публицистической форме высказал свои суждения по этому вопросу.

В финале повести разыгрывается следующая сцена. После долгой, утомительной езды по жарким казахстанским степям Аленка и ее спутники, рабочие и работницы совхоза «Солнечный», достигли станции Арык. Здесь в зале ожидания вокзала Аленка прикорнула на скамье.

«— А спать здесь, барышня, не положено,— вспугнул ее человек в красной фуражке.

Но какой-то чужак с соседней скамейки, которому, видно, нечего было делать, подозвал его и стал доказывать, что не надо шуметь на людей, что они плутали на машине и хотят отдохнуть. Зачем же на них шуметь? Ведь только с виду это простые, обыкновенные люди, а на самом деле они совсем не простые и очень необыкновенные, потому что живут не для себя, не для своей корысти, а исключительно для народа, для будущего и делают необыкновенное, великое дело, какого до них еще никогда никто не делал,— ставят на ноги целинный совхоз. Зачем же на них шуметь? Ведь вы и сами не такой уж простой и обыкновенный человек, товарищ дежурный, если как следует разобраться, и вам самому нравится деликатное отношение...»

Программное заявление пассажира «с соседней скамейки», имени которого мы даже не знаем,— несомненная декларация автора. Эти последние строки повести дают как бы оценку ее героям и выдвигают правильное понимание величия дел человеческих. Жить не для себя, а для народа, делать то, что еще никто до тебя не совершал,— разве это не величие?! Если так, то в совхозе «Солнечный» все, кто хорошо трудится,— люди необыкновенные, ибо необыкновенно то дело, которому они самоотверженно отдают свои творческие силы. Не в профессии, не в должности, не в положении человека суть вопроса, а в его отношении к труду и, добавим мы, в его самосознании, в богатстве его души, в его интеллектуальном уровне. Тут нет и не может быть каких-либо заранее установленных градаций, некой шкалы, по которой измеряются достоинства

литературного героя. Перед нами процесс развития, роста, формирования новой личности.

Мне кажется, что у Л. Скорино в рассуждениях о типе героя сквозит известная нормативность, попытки установить дозировку «требухи» и «героизма», зла и добра... Конечно, никому не нужна нарочитая «требуха», привнесенная искусственно в облик современника. Но мы помним, что говорил об этом Д. Фурманов, когда работал над образом Чапаева. Кастрированные (пользуясь словом того же Д. Фурманова) герои, сверхидеальные, но на живых не похожие люди нам тоже в литературе ни к чему.

Недавно мы встретились еще с одной героиней из числа совсем простых людей, явно далеких от романтики. Это Зоя Александровна Вертишейка из повести Ал. Шубина «Непоседы», опубликованной в воронежском «Подъеме» (1959, №№ 4, 5). Несмотря на забавную фамилию и многие происходящие с ней смешные происшествия, Зоя совсем не плохой человек. Но в Сибирь на одну из великих строек она спешит не потому, что охвачена творческим энтузиазмом. Она просто-напросто хочет найти там приличного мужа, желательно из геологов.

В неподражаемом стиле излагает она подруге свою программу: «Я уже после тебя еще раз десять была в кино, видела «Семеро отважных» и другие картины и теперь знаю геологов до тонкостей. Они ученые, бесстрашные и всегда имеют много денег, потому что в горах их тратить некуда. Это вместо них делают ихние жены, которые живут в Москве. Геологи очень своих жен любят, наверно потому, что в горах нет настоящих женщин. Говорят, там попадаются снежные бабы, но они совсем некультурные, даже огня зажечь не умеют и едят людей не вареными. Хороший геолог на такую не польстится».

Как видим, так называемой «требухи» в Зое — хоть отбавляй!

Может показаться, что Зоя — легкомысленная девушка, лишенная каких-либо твердых моральных устоев. Это неверно. Она пишет подруге: «Некоторые девчата к женатым льнут, но я ничьей разлучницей быть не желаю и подлости себе не позволю. Выберу себе молодого холостяка не брюнета, не блондина, а среднего, какой покрасивее и повеселее, и сразу же в кулак зажму. Хоть он и ученый геолог, но пусть меня уважает. И его товарищей, если они гуляки и пьяницы, в два счета отошью. Но только и сама буду держаться честно. Пусть он хоть на пять лет в горы уезжает, изменять не буду, а буду ему часто писать и свои карточки посылать, чтобы он обо мне тосковал».

Автор с лукавым юмором описывает, как Зоя, не доехав до места назначения (у нее в поезде украли чемодан со всеми туалетами, приготовленными для «ловли» геологов), нанимается в одном из железнодорожных буфетов продавщицей пирожков. Девушка отлично справляется с порученным ей делом и даже получает повышение — становится заведующей ларьком. В общем, возвращается она

в кругу обязанностей, которые явно не сулят ничего необыкновенного, а наоборот, могут толкнуть и в дурную сторону. По классификации Л. Скорино, продавщицы и подавальщицы — представители «бесперспективных профессий». Но вот, например, в повести Ал. Шубина эти страницы — лучшие. Там же, где он направляет свою героиню по более перспективному пути — она становится штукатуром на стройке, — краски его блекнут и своеобразие художественного почерка улетучивается. Вся вторая половина повести смахивает на газетную информацию. Так не лучше ли было бы оставить Зою в торговом ларьке, где она была истинной героиней (по-своему, конечно), чем насильственно тянуть ее в необыкновенные люди и портить при этом удававшееся поначалу литературное произведение? И это в то время, как необыкновенного в Зое много оказалось, когда она стояла за прилавком перонного киоска. Я думаю, что способный писатель стал здесь жертвой тех схем и нормативов, которые насаждаем иногда и мы, критики...

Мы говорили о произведениях, где в той или иной степени проглядывают черты современника. Посмотрим внимательно те книги, которые воссоздают перед нами в целом характер человека наших дней или хотя бы содержат попытку решить эту трудную задачу.

2

О своей жизни, о мыслях и чувствах, о поступках своих и об идеалах герой романа В. Тендрякова «За бегущим днем» рассказывает от собственного имени. Это позволяет нам познакомиться не только с нравственным обликом Андрея Бирюкова, но и с тем, как он сам осознает себя, что для определения особенностей характера человека имеет важное значение.

Литературная форма дневника, записок, исповеди, рассказа героя от своего имени (тем более, когда речь идет не об отдельных эпизодах, а о сравнительно большом жизненном пути человека) требует от художника не только знания души современника, но и чуткости ко всем многообразным проявлениям характера. Если писатель не сумеет в рассказе своего героя воплотить все, даже мельчайшие черты его индивидуальности как единсе целое со всей психологической достоверностью, — характер его будет неумолимо расплываться, обнажая зияющие провалы, несообразности, а иногда и фальшь... Тут не помогут ни изящные швы, ни красивые заплатки. Полнота, многогранность изображения, органичность художественной ткани — неперенные условия творческого успеха, когда дело идет и об исповеди героя, тем более героя довольно высокого умственного уровня.

Пусть человек этот бывает внутренне противоречив, он может быть втянут в определенные драматические коллизии (хоть это, разумеется, отнюдь не обязательно), пусть восхождение его к нрав-

ственному идеалу трудно,— все же везде и во всем должен быть виден его характер — со своим темпераментом, со своей, как говорили раньше, натурой. Конечно, индивидуальность человека изменяется, обогащается новыми чертами. Это связано и с природными свойствами личности, с естественными условиями жизни человека, с окружающими его людьми и обстоятельствами общественного и частного порядка.

Но не забудем, что перед нами характер, а не совокупность случайных, противоположных, иногда взаимоисключающих, а часто непонятных и просто необъяснимых поступков, переживаний и размышлений. Конечно, не всякий литературный герой (как и далеко не всякий человек в реальной жизни) имеет сложившийся, цельный характер. Но ведь и бесхарактерность — своего рода характер, да и формирование личности есть всегда воспитание характера.

Нам представилось уместным сказать об этом именно сейчас, когда мы обращаемся к образу современного интеллектуального литературного героя, советского человека, создателя коммунистического общества. Мы хотели бы почаще в книгах наших писателей видеть не силуэты или схематические наброски людей сегодняшнего дня, а художественно полнокровные, цельные характеры, складывающиеся в процессе строительства нового мира, новых общественных отношений. Советская литература имеет богатейшие традиции изображения героя — участника борьбы за социализм на различных исторических этапах развития нашего общества. Понятно, что читатель с интересом берет в руки каждую новую книгу, которая обещает рассказать о современнике.

Не удивительно, что и новое произведение В. Тендрякова довольно быстро приобрело широкую известность. Читатели знали раньше этого даровитого писателя как автора повестей и рассказов. Теперь он впервые выступил как романист. Привлекает внимание и стремление художника дать портрет героя в движении, в развитии, показать его изнутри, в собственной исповеди.

Как же справился писатель со своим новым, интересным замыслом?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, последуем за Андреем Бирюковым, прислушаемся к его размышлениям, присмотримся к его поступкам. В наблюдениях своих и рассуждениях мы будем опираться на рассказ нашего героя, ибо это ведь не кто-нибудь посторонний говорит о нем, а он сам характеризует себя! Лучшего источника не найдешь... Не забудем, однако, при этом, что перед нами не просто один из многих возможных человеческих документов, а литературное произведение, в котором автор стремится нарисовать типический характер, раскрывающий какие-то закономерности эпохи.

Белинский писал, что произведения искусства «тем и выше так называемых «истинных происшествий», что поэт освещает пламенником своей фантазии все сердечные изгибы своих героев, все тай-

ные причины их действий, снимает с рассказываемого им события все случайное, представляя нашим глазам одно необходимое, как неизбежный результат достаточной причины».

«Неизбежный результат достаточной причины» — эти слова стоит повторить и запомнить. Критик имеет в виду внутреннюю логику развития характера, психологическую точность рисунка и, наконец, творческое проникновение в духовное существо изображаемого человека. Все это в гармоническом художественном единстве дает неповторимый эстетический эффект.

Может быть, в глазах Андрея Бирюкова многое из того, что произошло с ним в жизни, выглядит чистой случайностью. Мы же не можем удовлетворяться ссылками на случайности, которые в жизни, конечно, имеют место.

Ф. Энгельс писал: «...где на поверхности происходит игра случайности, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы»¹.

Писатель должен увидеть и показать в игре случайностей внутреннюю законосообразность; в не связанных между собой, внешне противоположных и внезапно возникших чертах и свойствах, тенденциях и поступках человека надо найти единое начало, определяющее характер в его росте и развитии.

Очевидно, В. Тендряков полагает, что мысли и поступки его героя имеют причинную связь. Мы тоже усматриваем здесь известную закономерность, но, пожалуй, совсем не ту, что имеет в виду писатель.

В представлении автора Андрей Бирюков — творческая личность, новатор, борец за перестройку советской школы, за новые методы преподавания и воспитания. Писатель видит в нем человека, который преодолел свои ошибки и внутренние падения и в конце концов выпрямился в устремлении к грядущему как достойный строитель коммунистического общества.

Мы же думаем, что натура Андрея Бирюкова по своей психологической природе находится в кричащем противоречии с тем, что приписывает ему автор. То, что представляется писателю случайным, скоропреходящим, органически не свойственным нравственному облику Андрея Бирюкова, в действительности составляет основу его характера как человека пассивного, безвольного, неустойчивого, нерешительного, мало способного к активной, целеустремленной деятельности.

Попробуем разобраться, что дает нам повествование Андрея Бирюкова для понимания его личности, его жизненной позиции, для определения того психологического типа, к коему его можно отнести.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, М. 1955, стр. 371.

После окончания Отечественной войны, в которой Бирюков участвовал, он, не имея ни ярко выраженных способностей к живописи, ни тем более веры в свои творческие силы, поступает на художественный факультет Института кинематографии. Конечно, никакое упорство заменить таланта не может, а у нашего героя и упорства не было.

Покинув художественный факультет, Бирюков проездом в областном городе останавливается перед вывеской педагогического института. Он рассуждает: «...никогда не испытывал желания работать педагогом? А к чему испытывал призвание? Художник уже не получился. А еще что?.. Пусто. А трудиться все равно надо, все равно придется искать место в жизни. Сделай попытку. Вот дверь, войди в нее... И я вошел».

Так Андрей стал студентом педагогического института, а потом и преподавателем родного языка и литературы. Позднее Бирюков сам рассказывал: «Я случайно стал педагогом... Подвернулся подъезд пединститута. С таким же успехом мог подвернуться подъезд сельскохозяйственного или строительного института...»

Не будем придирчивы. Бывает, и, наверное, нередко, что юноши выбирают высшее учебное заведение без какого-либо пристрастия, без определенной склонности. Впрочем, впоследствии можно и полюбить свою, таким образом обретенную, профессию. Это, по словам Бирюкова, произошло и с ним. Поверим ему, но заметим, что, хотя встреча с вывеской педагогического института была действительно случайной, для характера Бирюкова этот эпизод не был случайностью.

Грустно сказать, но даже в таком важном интимном деле, как выбор спутницы жизни, инициативу проявил не Бирюков. Андрей полюбил девушку. Ее звали Леной Кругловой. Он испытывал к ней сильное чувство, а женила его на себе между тем Тоня Рубцова... Добро бы была ошибка, самообман, ложные иллюзии: казалось, что любил, а получилось по-другому. Ничего подобного! Явно не любил, а в загс пошел: невеста повела. Когда же после «записи» возвращался с молодой женой, то подумывал о других девушках... Вот как далеко уводит нашего героя его апатия, равнодушие даже к своему собственному счастью.

Допустим, однако, что в тот период своей жизни Бирюков еще не настолько сложился как человек, чтоб с определенностью придерживаться каких-то положительных жизненных принципов. Есть даже что-то правдивое и трогательное в рассказе героя о том, как он и в институт пошел, и в брак вступил не по любви...

Но вот проходят годы. Как же формируется характер нашего героя? Как складывается его мирозерцание? Андрей Бирюков взрослеет, становится отцом семейства. В школе занимает видное место, замышляет коренную перестройку обучения и воспитания. Он новатор, вступивший в борьбу с педагогической рутинной. Сложные события происходят и в его личной жизни.

Много переживаний выпадает на долю нашего героя. Но везде и во всем проявляются черты и свойства его ничуть не изменившегося характера. Со временем, мы сказали бы, он стал еще более вялым, дряблым, лишенным воли, равнодушным и апатичным. Иногда он напоминает преподавателей словесности из рассказов и повестей 90-х годов минувшего столетия. Тем разительней, что именно его избрал автор носителем самых передовых идеалов в педагогике.

Противоречие между этими новаторскими идеями, сама природа которых требует энтузиастического отношения к делу, неутомимого горения, непрерывных дерзаний, огромной силы воли, упорства в достижении цели и глубокой веры в торжество нового, — и меланхолическим бесстрашием Андрея Бирюкова указывает на некий серьезный творческий просчет автора при попытке создать крупный характер современного интеллектуального героя.

Конечно, никто не настаивает на изображении новаторов непременно такими бодрыми весельчаками, не знающими трудностей и противоречий. Наоборот, мы хотим видеть, как идет к творческим свершениям нозый человек, неукротимо преодолевая препятствия. Впрочем, любые рецепты тут неуместны и, пожалуй, смешны. Жизнь всегда подскажет нам тысячу непредвиденных вариантов.

С одним только невозможно согласиться. Нельзя признать новатором, ревнителем передовых идей, творцом научного прогресса человека, который лишен внутренней веры в правоту и осуществимость своих идеалов и не имеет необходимой силы воли для того, чтобы довести дело до конца. Возможно, в конце концов новаторские замыслы и не будут реализованы, но без глубокого ощущения правды, которая заключена в твоих планах, невозможно идти вперед. Могут быть на пути трудности, препятствия, сомнения. Их может и не быть. Но всегда должна быть в душе непреодолимая уверенность, рождающая энергию и волю — то, что мы называем пафосом дерзания. Но как же, увы, далек от всего этого наш Андрей Бирюков! Основное настроение его пессимистическое. Неверия в нем больше всего...

Вместо обычных уроков Бирюков хочет ввести «организованный диалог» между школьниками по заранее подготовленным вопросам, чтоб активизировать обучение, сделать его более полезным и интересным для учеников. Не будем входить сейчас в оценку этого проекта по существу. Нас интересует нравственное состояние новатора-борца, на пути которого встретились препятствия.

Его охватывает отчаянье: «Та пустота, которую я смутно предчувствовал, теперь открылась передо мной, реальная, неизбежная, как унылое болото, раскинувшееся на пути пешехода. Я входил в эту пустоту. Вглядываясь в свое будущее, я уже не видел в нем ничего. Ничего ровным счетом!»

Роман изобилует самоанализом такого рода. Бирюков сокрушается, что он «самый заурядный из заурядных», что он «не одарен

значительным умом». Иногда возникает «негодование на самого себя». Но ничем серьезным оно не завершается, кроме признания в том же унылом духе: «Я отчаиваюсь, я ничего не могу предпринять», «жизнь моя пуста и ничтожна, не надо ни о чем думать». На разные лады повторяются подобные самобичевания, которые имеют только ту видимую причину, что проекты Бирюкова не встретили сочувствия.

Разумеется, конфликт между людьми, ломающими привычные формы труда, и теми, кто цепко держится за старое, может принести большую остроту. В частности, и Бирюков столкнулся с многочисленными и серьезными противниками, такими, как директор школы Степан Артемович, представительница отдела народного образования Коковина, ученые от педагогики, областные работники. Много было у Бирюкова недоброжелателей, их упорное сопротивление новатору хорошо описано автором.

Бирюков становится жертвой гипертрофированной пессимистической рефлексии. И тут речь идет уже не об отдельных чертах нравственного облика или о настроениях, охвативших человека, а об его характере, органической принадлежностью которого является в данном случае пассивность, флегматичность, неспособность к необходимым действиям.

Об этом прямо говорит сам Бирюков: «Надо что-то предпринимать, как-то действовать... А что? Как? У меня по-прежнему пусто в душе, в голове хоть шаром покати — ни одной здоровой мысли».

Перелистываем еще несколько страниц: «Я боюсь завтрашнего дня. Я не имею права мечтать, я могу только оглядываться на свое небогатое прошлое. Мне всего тридцать три года, а жизнь, кажется, остановилась для меня».

Может ли человек с такой вопиющей душевной неустроенностью, с таким надрывным восприятием жизни при неудачах стать в случае своей победы не только учителем и воспитателем молодого поколения советских людей, но и передовым педагогом, борцом за коммунистические идеалы в народном просвещении? Мне кажется, что эта миссия Бирюкову не подходит, что обнаруженные им особенности его нравственного облика не отвечают характеру истинного борца.

Мы не оспариваем реальность изображенного В. Тендряковым персонажа. Однако автор заверяет нас, что именно Бирюков и есть самый настоящий новатор, творец новой, коммунистической педагогики. Вот в это поверить трудно.

Во-первых, сущность самого новаторства Бирюкова в лучшем случае неясна, а подчас и просто сомнительна. Недаром многие учителя в своих выступлениях по поводу романа указывали на практическую несостоятельность педагогических идей Бирюкова, напоминающих блаженной памяти «метод проектов», давно отвергнутый советской школой. Но если «новаторство», отстаиваемое

героем, в действительности далеко не новаторство, то, может быть, не так уж и неправы те персонажи, которые сопротивляются сомнительным нововведениям?

Во-вторых перелом в сознании героя, его превращение в целеустремленного, деятельного человека относится скорее к категории чудес,— настолько слабо мотивировано это художественными средствами. Посудите сами. Герой наш находится в полной духовной прострации, когда прибывает письмо, из которого видно, что его методы преподавания неожиданно нашли поддержку. И Бирюков воскресает к новой жизни. Это происходит в самом финале романа.

«Я нужен!» — восклицает Бирюков, и всего, что было сказано и пережито раньше, как не бывало! Но неужели все, что мы прочитали ранее, относится к какому-то другому, ненатуральному Бирюкову, а истинным является тот, который на последних страницах романа поет риторические гимны будущему?!

То, что показалось автору случайным, наносным или во всяком случае мгновенно преодоленным, в действительности определяет жизненную позицию героя, его неспособность быть человеком сильных и смелых дерзаний, его полную психологическую неподготовленность к творческим свершениям, требующим совсем другой внутренней направленности характера, других его свойств и качеств, которые формируются нашим обществом, но до которых Бирюкову далеко.

Весьма показательно, что безволие и дряблость характера Бирюкова проявляются не только в общественных и трудовых делах, но и в его семейной жизни. Мы помним, как произошла женитьба Бирюкова. Приведем теперь небольшую сцену из его домашнего быта:

«Тоня, вскинув свою маленькую голову, бережно неся брошенные за спину длинные волосы, проплыла к кровати, стала раздеваться, привычно обнажая передо мной знакомые богатства своего тела. Наконец взглянула с томной усталостью через плечо:

— Ты что, до утра от стены к стене шататься будешь? Туши свет да ложись скорее.

Я стал покорно раздеваться».

Не будем останавливаться на явной безвкусице этих строк со «знакомыми богатствами тела», «томной усталостью» и т. п. Так не годится писать не только талантливому литератору В. Тендрякову, но и преподавателю литературы (изящной словесности!) Андрею Бирюкову. Пройдем, однако, мимо этого и обратим внимание на «покорность» нашего героя, на его жалкую, беспомощную позицию. Разве мы не узнаем тут и Бирюкова-студента, которого та же Тоня повела под венец, и Бирюкова-учителя, отдающегося болезненному самоанализу... Любопытно, что когда наш герой влюбился в другую женщину, Валентину Ващенко, то и в общении с ней разыгрывались сцены, в которых Бирюков выглядел не менее жалко, чем в собственной семье.

Не пожелавшая встречаться с Андреем в качестве любовницы, Валентина выпроваживает его из своего дома.

«— Нет, иди. Если ты здесь останешься, будет походить на воровство. Я не хочу этого. Ты мне нужен не на день, не на вечер. Иди...

Я покорно ушел».

Так наш герой в одном случае покорно раздевается, в другом покорно уходит, и даже мужем Валентины он становится опять-таки не по своей инициативе (как и при первом браке). Супруг Вали, секретарь райкома Ващенко, узнав о ее связи с Бирюковым, перед своим отъездом на работу в другой район принимает решение: «Валя, ты остаешься. Я так хочу».

По желанию Ващенко наш герой соединяется с предметом своей любви. Это не мешает ему, впрочем, вскоре покинуть ее и возвратиться в старую семью. Но и это ненадолго. Через некоторое время Андрей и Валентина опять вместе!.. В этих слабо мотивированных «перебежках» тоже много знакомой нам бесхарактерности.

Мы не задавались целью всесторонне проанализировать роман «За бегущим днем». Поэтому мы не говорим о многих других образах и ситуациях этого произведения, в котором есть немало достоинств. Многие сцены написаны с присущей В. Тендрякову наблюдательностью, удались автору такие персонажи, как директор школы Степан Артемович, учитель Василий Тихонович Горбылев, представительница района Коковина... Однако в изображении Андрея Бирюкова, от имени которого ведется повествование, автора постигла неудача. Создать убедительный характер современного интеллектуального героя, правдиво показать формирование его облика писатель не смог.

3

Едва ли не самой привлекательной особенностью героя советской литературы является его неустанное *стремление к духовному росту*. В сущности, изображение нравственного развития человека, его воспитания в духе партийности, гражданственности и коллективизма всегда составляло главную цель нашего искусства. Разве не этому были посвящены классические произведения Горького, Фурманова, Фадеева, Макаренко, Н. Островского и многих других выдающихся писателей революционной эпохи? Но, разумеется, воспитательная проблематика нашей литературы в определенные исторические периоды имела свои отличия. Это было связано, конечно, с общими идейно-политическими и социально-культурными запросами времени.

Ныне задача художественной литературы — отобразить формирование нравственного облика коммунистического человека. При этом надо иметь в виду необыкновенность самого процесса и связанную с этим сложность задач искусства.

Н. С. Хрущев напомнил писателям: «Ведь человек не рождается сразу коммунистическим человеком. Такого человека никто еще не знает, и вы его не видели. Его нельзя выдумать — он будет создаваться в процессе построения коммунистического общества, в процессе завершения перехода от социализма к коммунизму. Но что такое «завершение»? Тут нет границы, проложенной плугом, чтобы можно было сказать, что вот здесь кончается социализм и начинается коммунизм. Нет, так сказать нельзя. Процесс перехода от социализма к коммунизму — это длительный и очень сложный процесс».

Наверное, легче всего было бы выдумать такого человека, сконструировать его по каким-то красивым, отвлеченным нравственным рецептам... Однако уже хорошо известно, что такие литературные абстракции имеют мало общего с искусством художественной правды.

«Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подносят всякие усладительные речи и правила о нравственности. Не в этом состоит воспитание... В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма»¹, — писал В. И. Ленин.

Моральный облик коммунистического человека складывается в реальных условиях строительства нового общества, при повседневном участии в творческом труде на благо народа. В этом направлении должны идти неумолимые поиски писателем новых черт образа героя-современника. Тут есть уже немало литературных достижений, но больше, пожалуй, еще не решенных творческих задач.

В этой связи представляет интерес роман И. Горелика «Обещание».

Разговор о нем мы хотели бы начать с одного из эпизодов, который сразу проливает свет на некоторые особенности нравственного облика центрального героя этой книги. Молодой сталевар-новатор Сергей Шелавин приезжает в Москву для доклада в главке. После заседания к нему является журналист Рымарев и предлагает подписать уже готовую статью, построенную на материале выступления Шелавина.

Журналист говорит:

«— Остается признаться... что статья уже существует, переписана на машинке.— Он тут же достал из кармана свернутую в трубочку статью и протянул ее Сергею.— Прочтите, исправьте все технические глупости, которыми, наверное, я ее нашпиговал, и подписывайте...»

...Шелавин нехотя развернул статью, пробежал ее глазами, еще раз просмотрел. Все в ней было правильно... И все же, возвращая ее Рымареву, он сказал:

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 270.

— Не подпишу. Совестно.— Но, заметив растерянность и недоумение журналиста, Шелавин уступил: — По крайней мере, ставьте две подписи — Миткаленко и мою».

Но главный сталеплавильщик Миткаленко стал также убеждать Сергея, что статья должна идти только от его имени, от сталевара, одного из создателей нового метода.

«Вот парод!» — подумал Сергей и, еще раз перечитав статью, подписал ее».

Вскоре журналист появился вновь и на сей раз «вытащил пачку денег, положил на стол...»

Шелавин нахмурился. За что деньги?

Оказалось, что за статью.

— Да я же ее не писал! — воскликнул он.

— Слушайте, не морочьте голову! — рассердился Рымарев. — Чья фамилия под статьей? Ваша. Значит, вы и писали. Каждому автору полагается гонорар.

— Не возьму! — сказал Сергей упрямо.

— Что же, я их обратно отнесу? — удивился Рымарев. — Бухгалтерша их не примет, а в следующий раз просто не даст. Вы меня ставите в идиотское положение. Первый раз вижу! — Он искренне расстроился.

— А вы их себе возьмите. Вы писали, возьмите их себе.

— То есть как? Выписаны они на ваше имя, а я их прикарманю? Не понимаю, зачем вам нужно толкать меня на уголовное преступление! И вообще, Сережа, не вы первый, кому мы помогали оформить свои мысли в виде статьи, и купите вы лучше на эти деньги подарок жене.

— Купил уже, — отозвался мрачно Сергей. Он начал понимать, что в самом деле ставит в неловкое положение хорошего человека, предлагая ему деньги, которые тот не может взять, раз они выписаны Шелавину. А то, что всегда так водится, что не один он, но и другие рабочие, которым помогают выразить мысли в статье, получают гонорар, постепенно его успокоило. Он взял деньги, кинул их в ящик стола».

Надо сказать, что описанная здесь ситуация вполне правдива. Подобная практика известна и, к сожалению, кое-где не только принята, но даже считается нормальной.

Как же нам оценить поступок передового сталевара? Проще всего было бы потребовать от Сергея поучительных речей по адресу журналиста. Однако мы не требуем, чтоб он порвал статью, написанную не им, но подписанную его именем, не требуем, чтоб бросил в печь полученные, но не заработанные им деньги. Хотя в идеале так и надо было бы поступить! Будем снисходительны к Шелавину. Ведь характер его еще далеко не сформировался, наш герой — один из многих молодых людей современности, которые растут, преодолевают свои недостатки... Идет воспитание личности человека коммунистического общества.

Американский публицист Альберт Кан писал не так давно в «Правде»: «...Сегодня вопрос о том, можно ли изменить природу человека, уже не вызывает больше дискуссий. Сама жизнь дала неоспоримый ответ на него. Ибо те, у кого есть глаза, чтобы смотреть, отчетливо и ясно видят: то, что в течение долгого времени называлось «природой человека», *изменилось* в Советском Союзе. В этой стране в процессе преобразования общества человек изменяет самого себя. Человек нового склада шагает ныне по земле».

Объективный иностранный наблюдатель верно определяет главное в существе того процесса, который происходит с людьми в нашей стране: *изменение природы человека!*

Однако изображение изменений в характере каждой индивидуальности требует большого искусства. Тут недостаточно одного мановения волшебного жезла, хотя бы он и находился, как иногда кажется писателю, в его руках. Тут, как нигде более, требуется тщательное психологическое исследование и правдивое художественное воплощение.

Вернемся к Сергею Шелавину. Случайно ли для него то, что произошло с пресловутой статьей? Легко ли ему дается приобретение новых нравственных качеств?

Работает Сергей у сталеплавильной печи. Хорошо работает. Но вот главному сталеплавильщику завода Миткаленко из карьеристских соображений вздумалось объявить Сергея новатором. Пусть Сергей станет знаменит — остальные будут купаться в лучах его славы. Тем, кто хочет нагреть руки на этом нечистом деле, ничего не стоит использовать в этой лживой кампании бесхарактерного и еще не умеющего понять, что с ним делают, Сергея. Вообще говоря, он сознает, что никакого нового метода здесь нет, но поддается на удочку и начинает играть роль, написанную для него главным сталеплавильщиком Миткаленко, председателем завкома Ореховым и им подобными.

Так хороший, но лишенный пока «внутренней косточки» человек потворствует дурным нравам. Он молод, и слава льстит ему. В изображении этого писатель достаточно наблюдателен. Многотиражка печатает о Шелавине трехколонник, публикует его портрет. Издается брошюра о новаторстве Сергея. Его везут для доклада в Москву, под его именем появляются статьи, Миткаленко и Орехов провозглашают торжество «шелавинского метода» сталеплавления, а сам Шелавин вопрошает: «Какой метод?!» и отвечает сам себе: «Никакого нового метода нет, есть обычная хорошая работа у печи». Но Миткаленко и Орехов хотят, чтоб был метод! И Сергей безропотно выполняет то, что предлагают ему организаторы этого бума.

«Значит, так, — диктовал Орехов, — завтра ровно в семь ты должен быть на радио... Теперь пункт второй. Завтра будет звонить корреспондент из области. Ты должен дать ему интервью... Теперь вот что. Вот тут, в конверте, — анкета. Тебя, понимаешь, избрали членом Общества по распространению знаний» и т. п. и т. д. Сер-

гей становится членом ЦК профсоюза, подписывает какие-то петиции в центр, не разбираясь в их существовании, разъезжает по другим заводам, ему ставят домашний телефон для связи с начальством, которое раздувает несуществующий «наш шелавинский метод»...

Ну, а что же Сергей? — спросит читатель. Сознательно вводит людей в заблуждение? Нет, ему постепенно даже начинает казаться, что действительно есть какой-то метод. Писатель говорит, оправдывая своего героя: «Разве по доброй воле ему приходится бегать на всякие собрания, произносить речи, выступать по радио, встречаться с газетчиками, фотографами, отвечать на десятки писем, идущих со всех сторон!» Вот именно — не по доброй, не по своей воле, потому что своей, собственной, у него пока нет! В этом корень вопроса, в этом суть! Шелавин не просто делает какие-то ошибки, он находится под влиянием разных людей, ибо своего «я» у него еще нет, а отсюда, от этой безличности, и происходят все грехи. Впрочем, от грехов он может освободиться, но самостоятельной личностью стать гораздо трудней, а показать, как это происходит в реальности, также нелегко.

Посмотрите, как протекает семейная жизнь нашего героя. И тут он не способен проявить себя с необходимой твердостью. Мать Сергея и жена Таня не ладят между собой. То старая женщина покидает дом, то любимая подруга. Впрочем, и в любви, и в отношениях к супруге наш герой столь же неопределенен, как и в других делах.

Писатель значительно более силен в сценах заводской жизни. Когда же на страницах романа возникает сложная тема, требующая психологических постижений, перо автора не всегда справляется с ней. Это касается в первую очередь того внутреннего перелома, который пережил главный герой.

Раньше всех пытается открыть глаза Шелавину старый рабочий-сталевар, человек большой мудрости и опыта. Его назидания, конечно, полезны, но их чудесную силу нельзя переоценивать. Это понимает и сам писатель и потому «включает» в борьбу за Сергея его жену Таню.

Это вполне правдоподобно. Таня сидит в кабинете председателя завкома Орехова и возмущается, видя, как Сергей спокойно принимает к исполнению его «директивы». Затем она в своем стремлении исправить Сергея покидает его, не останавливаясь перед семейной драмой. При помощи столь сильно действующих средств Шелавин, по мысли писателя, не может не начать новую жизнь.

Это происходит с завидной скоропалительностью. Теперь Шелавин уже невозможно оторвать от учебников. Влияние Миткаленко и Орехова внезапно утеряло всю свою силу! Роман заканчивается сценами счастливой любви, где, впрочем, подводятся и некоторые деловые итоги. Орехову и другим, оказывается, сильно «влетело» за Шелавина, а тот в глазах Тани стал, как она думает, «новым человеком», «смелым и резким».

То, что Сергей теперь показался Тане «новым», «смелым» и «резким» (кстати, резкость мы не сочли бы обязательным признаком нового человека), вполне вероятно, ибо она по справедливости видит и свою заслугу в «обновлении» Сергея. Наверно, потому она и преувеличивает итоги этого процесса, ибо тем самым высоко оценивает не только успехи Шелавина, но и свои усилия. В общем, ей простительно заблуждаться, чего нельзя сказать об авторе!..

Хотя тенденция формирования личности Сергея показана писателем совершенно правильно, в духе самой жизни, — движение внутреннего мира героя, особенности его самосознания, его духовный перелом раскрыты слабо. Поэтому не всегда веришь тому, что происходит в романе, и прежде всего — изменениям в духовном облике Сергея, ибо в характере его, если вспомнить все, что было о нем рассказано раньше, пока еще мало нового. Возможно, оно придет со временем, ведь роман называется «Обещание»!

4

В наше время развернутого коммунистического строительства нет более важной задачи в воспитательной работе, как помочь любому советскому человеку стать сегодня лучше, чем он был вчера. «Люди могут на него своевременно воздействовать с тем, чтобы пресечь его дурные склонности», — сказал Н. С. Хрущев на XXI съезде партии. Это дело общества, дело коллектива. Но это и дело искусства.

Вот почему так занимает нашу современную литературу вопрос о воспитании характера советского человека, о формировании его моральных убеждений, о преодолении того, что у различных людей по-разному мешает их движению к высоким этическим принципам коммунизма. Об этом рассказывает и М. Бубеннов в «Орлиной степи», и Г. Медынский в «Чести», и Г. Березко в «Сильнее атома», и Г. Гор в «Университетской набережной», и многие другие писатели, опубликовавшие свои новые книги в последнее время.

Но Л. Скорино верно пишет о том, что иногда писатель для придания герою большей убедительности не в меру приписывает ему различные противоречивые черты и страдания. Это так называемое «утепление» героя имеет самые разные формы. Когда-то он во многих книгах болел, умирал. Потом стал ходить с валидом, а умирал реже. Чаще всего он бывал страдательным лицом в любовных историях. Теперь героя «оживляют» при помощи внутренних коллизий — подчас вопреки логике образа.

...К исполняющему обязанности начальника шахты Сергею Ивановичу Синицыну явился Вася — шофер председателя совнархоза.

«Он доверительно наклонился через стол и негромко сказал: — Нам пару тыщ кирпича, машину мы пришлем...»

Синицын осторожно пытается выяснить, кому нужен этот кирпич. Вася уклоняется от ответа: «Сами понимайте».

Итак, нашему герою предстоит самому решить, нужен ли этот кирпич большому начальнику — председателю совнархоза Кузнецову, или жуликоватому его шоферу, который, прикрываясь громким именем, обделывает свои грязные дела. Синицын, бедный, «почувствовал себя в данную минуту младенцем» и обратился за советом к технику из отдела капитального строительства Павлюченко.

«— Бывает,— сказал он неопределенно и осведомился:— Ну, а вы?»

— А я не знаю, давать или не давать,— откровенно признался Синицын.

— Это смотря кому,— сказал Павлюченко.— Но лучше не давать.

— А если начальству? — спросил Синицын.

— И начальству лучше не давать,— сказал Павлюченко.— Замотают потом».

Затем Синицын хочет узнать, «давал» ли раньше начальник шахты; оказывается, не давал, но вот соседи давали...

«— Неприятности будут,— сказал Синицын.— Ну да ладно».

И он отказывает Васе в такой форме:

«— Нет кирпича,— произнес Синицын с облегчением».

Ему стало легче, когда он почувствовал, что распутался как-то с этим настырным Васей, который заставил его решать какие-то невыносимо сложные вопросы. А тот невероятно обозлился:

«— Понятно,— процедил он сквозь зубы.— Что ж, пеняйте потом на себя...»

С этими словами шофер покинул контору шахты...

Такова одна из ситуаций в романе Льва Овалова «Партийное поручение». О подобных историях мы слышали не раз, даже иногда сами наблюдали их, читали об этом критические корреспонденции в газетах. Но поскольку мы имеем перед собой в данном случае не уголовную хронику и не протокол следственного допроса, а литературное произведение, понятен наш интерес к психологии действующих лиц, причастных к этому делу.

Техник Павлюченко — персонаж эпизодический. Его суждение, однако, интересно. Он считает, что не нужно давать кирпич, так как «заматают», то есть будут и в дальнейшем приставать с требованием стройматериалов, а отвязаться от начальства трудно... Таким образом его возражение не носит, так сказать, принципиального характера. Оно вызвано скорее желанием избавиться от излишних хлопот и, может быть, в конце концов и от ответственности. Но, с другой стороны, он согласен и с тем, что неприятности так или иначе будут. «Без неприятностей все равно не прожить», — меланхолично утешает он Синицына. И все же лучше не давать, по мнению Павлюченко, «зато себя не ругать», то есть иметь более или менее чистую совесть. Позиция техника — позиция постороннего наблюдателя. Непосредственно он за это не отвечает, может посоветовать и так и этак! Делайте, мол, как знаете, моя хата с краю!

Положение Сергея Ивановича Синицына сложнее. Во-первых, он главный и притом положительный (хотя и с сучками да задоринками) герой этого произведения; во-вторых, он несет прямую ответственность за материальные ценности; в-третьих, он хочет сохранить хорошие отношения с начальством, от которого зависит.

Как вел себя Синицын в этом эпизоде, мы знаем. Человек он, видимо, честный, но в таких делах малоопытный. Ему противен Вася. Берет ли он кирпич для Кузнецова или для себя — личность это мерзкая, все равно... У Синицына шофер вызывает, наверно, брезгливость, хотя писатель и не очень стремится поглубже заглянуть в эти минуты в душу Синицына. Автор как бы ограничивается «стенографированием» диалогов. Попытаемся, однако, и из этого материала извлечь все, что можно, для понимания духовного облика героя. Он знает, по утверждению писателя, что «такие вещи практикуются между хозяйственниками, — «я вам доски, а вы мне проволоку». Вася, правда, никакого товарообмена не предлагал, — поэтому вряд ли эта операция имеет что-либо общее с упомянутой автором. Никаких иллюзий тут быть не могло. Синицын должен был отдать государственное имущество, а потом найти способ списать его, как подсказывал Вася: кирпич-бой, туда-сюда... Хотя Синицын в прошлом долгие годы работал в министерстве, вряд ли он не знал об операциях, а вернее, о махинациях подобного рода.

Впоследствии, как и можно было ожидать, выяснилось, что шофер, пользуясь своим положением, систематически вымогал на предприятиях, подчиненных совнархозу, строительные материалы и другое имущество. Его передают суду.

Ну, а наш герой? Как можно охарактеризовать его позицию в этом деле? Ничего преступного в его поведении, пожалуй, не было. Более того, Синицын поступил в конечном счете правильно. Не кажется ли, однако, вам, что неуверенность героя в разумности и оправданности своих поступков, его колебания, попытки найти ответ не у собственной совести, а у техника Павлюченко имеют характер некоторой нарочитости?

Ага, слышу я голос оппонента, вы хотите, чтоб Синицын в ответ на домогательства шофера-преступника прочитал ему лекцию об охране социалистической собственности или сразу же позвонил в милицию. Вы хотите, чтоб этот обычный советский инженер заговорил языком официальных бумаг и проявил твердокаменность. И тогда вы скажете, что герой, мол, чересчур прямолинейный, что он построен, как геометрическая фигура, говорит избитыми фразами, сразу видно, что будет дальше и т. п. Выходит дело, куда писателю ни податься — все плохо.

На это мы ответили бы так: любой характер — и «твердокаменный» и противоречивый — имеет равные права на существование в литературных произведениях, поскольку он имеет место в жизни, кстати, гораздо более разнообразной, чем это представляют себе

некоторые писатели. Но характер героя в любом случае, когда идет речь о художественном отображении действительности, должен быть психологически достоверен, его размышления и поступки, его переживания и настроения должны быть глубоко мотивированы не только в словесной аргументации действующих лиц, а главным образом в авторском психологическом исследовании и художественном воплощении. Разговоры персонажей без содержательной внутренней подосновы напоминают срезанные цветы, лишенные корней. Как известно, в таком виде растения живут недолго, краски их скоро блекнут, аромат пропадает.

Но что обозначает исследование в художественном произведении и как раскрывается почва, на которой произрастает тот или иной характер, та или иная жизненная ситуация? Для того чтобы ответить на этот вопрос применительно к образу Синицына, следует задуматься над тем, есть ли в его мыслях и чувствах, в его поведении та психологическая «неизбежность», та достоверная внутренняя логика, которые превращают замысленный писателем образ в живой характер. Ибо автору, конечно, кажется, что герой действует не по его указке, а по логике самой жизни. В самой же повествовательной ткани получается иногда далеко не так. А если в думах и делах человека нет внутренней законосообразности, то есть она не вскрыта, не освещена автором, — мы, естественно, начинаем сомневаться в правдивости этого изображения. И нам начинает казаться, что история эта не выше какого-нибудь происшествия, которое само по себе поучительно и интересно и, наверное, действительно имело место, но в данном случае художественным обобщением не стало...

Поэтому мы воспринимаем образ Синицына как схематическое решение, в котором присущие реальному человеку живые черты индивидуальности со свойственными ей иногда противоречиями и внутренними коллизиями превратились в искусственную неустойчивость и шаткость жизненных позиций героя.

Возвратимся, однако, к завязке романа. Инженера, работающего в министерстве, направляют в Донецк, в совнархоз. Он не хочет уезжать из Москвы. Вернее, неизвестно — хочет он или не хочет. Правильнее было бы сказать, что он не знает, чего хочет. Из этого аморфного состояния нашего героя, Сергея Ивановича Синицына, выводит его жена Лида. Благодаря энергии своей супруги, добровольно оставившей московскую квартиру, он оказывается вскоре в распоряжении Донецкого совнархоза.

Кстати, о семейной жизни героя. Когда он был студентом Горной академии, ему повстречалась девушка Лида. Подступить к ней было невозможно, «стоило заговорить о своем чувстве, как она немедленно поднимала его на смех». И вот случилось как-то, что Синицын, оставшись с Лидой наедине, поцеловал ее.

«— Сережа, — сказала она. — Я дала себе слово, меня поцелует только тот, кто станет моим мужем...

Ни с кем не прощаясь, они ушли с дачи, сели в электричку, приехали в Москву, и Лида велела отвезти себя домой.

Они вошли в квартиру, прошли в пустой отцовский кабинет.

Лида встала посреди комнаты, Синицын виновато остановился у двери.

— Ну что же ты?—серьезно сказала она.—Что же ты стоишь?..

Через несколько дней она сказала родителям, что выходит за Синицына замуж».

Очевидно, и этот эпизод несколько необычной женитьбы, как и некоторые описания отношений между Синицыным и его женой, также призваны лишь для одного: «утеплить» героя, сделать его как можно более «страдающим» и, значит, якобы жизненным.

Мы ничего не имеем против изображения людей растущих, преодолевающих свои внутренние слабости. Но неправильно думать, что в противовес схематическому, прямолинейному персонажу, который изрядно надоел всем, достаточно выставить человека, неестественно колеблющегося от дуновения любого ветерка,— и правда будет соблюдена. Отнюдь нет! Получится только *антисхема*, которая ничуть не лучше самой схемы. Все решается, очевидно, степенью проникновенности писателя в душевную жизнь героя, способностью показать его психологию с такой полнотой и глубиной, чтоб мы поверили и в того, кто тверд и негибает, и в того, кто с трудом выбирается на истинный путь.

Не следует видеть живые человеческие черты лишь в противоречивых и меланхолических переживаниях героя, как это имеет место в некоторых произведениях нашей прозы. И в последовательной принципиальности и непримиримости героя ко злу — не меньше (а может быть, и больше) человечности, чем в нетвердости и колебаниях. Нужно лишь уметь разглядеть ее и правдиво показать. Это тем более важно отметить, что советская литература стремится к изображению новых сторон человеческого характера, возникающих в процессе коммунистического строительства.

Формирование нравственного облика советского человека современной эпохи протекает, конечно, сложно. Никто не зовет писателя к упрощению. Но вряд ли уместно подходить к решению этой задачи при помощи «набора» сомнений и колебаний, которые иногда нарочито придают герою, чтобы оживить его, а потом неоправданно, немотивированно снимаются и он вдруг предстает перед нами на котурнах и с нимбом вокруг головы.

Как известно, счастливый конец не всегда удачно венчает дело. Мы предпочитаем произведения, которые заканчиваются в соответствии с верным идейным замыслом, с внутренней логикой психологического развития героев, отражающей в художественной форме логику самой жизни.

